

го направления К.Ф. Ордин¹ и М.М. Бородкин². В советское время данной теме касались полковник Г.Ф. Захаров³ (в будущем генерал армии), И.С. Киняпина⁴ и ленинградский историк-скандинавист Л.С. Смусин⁵. На заключении Фридрихсгамского договора остановился также в связи с рассмотрением присоединения Финляндии к Российской империи карельский историк, профессор Петрозаводского государственного университета И.И. Кяйвярайнен⁶. В 1960-х гг. значительный документальный материал был опубликован в четвертом и пятом томах первой серии издания «Внешняя политика России XIX и начала XX века»⁷.

Более обстоятельно дипломатическая предыстория и история войны 1808–1809 гг., включая заключение Фридрихсгамского мира, была освещена в шведской (Эрик Хамистрём⁸, Андерс Граде⁹, военно-исторический труд шведского генштаба о русско-шведской войне 1808–1809 гг.¹⁰, биография шведского дипломата Курта фон Стединга, написанная Карлом Хенриком фон Плабеном¹¹) и финляндской историографии (Пяявиё Томила¹²). В этой литературе Фридрихсгамский мирный договор рассматривался, как правило, только с точки зрения двусторонних российско-шведских отношений. Весьма скупо говорилось о ходе дипломатических переговоров, предшествовавших заключению договора. Иногда подчеркивалось его значение для судьбы Финляндии, но никогда не говорилось о последствиях Фридрихсгамского мира для становления новой системы международных отношений во всем североευропейском регионе, имевшем первостепенное значение и для России.

В данной статье делается попытка проанализировать текст трактата, кратко показать ход переговоров, предшествовавших его подписанию, посмотреть, как договор был встречен в России, прежде всего, с официальной стороны. Кроме того, по моему мнению, Фридрихсгамский мирный договор был первым, быть может, важнейшим, но не единственным блоком в строительстве новой международной системы в регионе, которая стала складываться в это время и которая в будущем определила курс российской внешней политики в североευропейском направлении на многие десятилетия.

Переговоры о подписании договора шли чуть больше месяца. С российской стороны их вели министр иностранных дел Российской империи гр. Николай Петрович Румянцев и видный российский дипломат Давид Михайлович Алопеус, с 1803 по 1808 г. бывший посланником в Стокгольме, а со шведской – барон Курт фон Стединг, занимавший пост шведского посла в Санкт-Петербурге с 1792 г. до начала русско-шведской войны, и полковник Андерс Фредрик Шельдебранд. Шведские и российские уполномоченные встретились 2 (14) августа 1809 г. Официальные переговоры начались на следующий день. Шли они интенсивно, их держал под контролем император Александр I. С самого начала шведы согласились признать переход Финляндии под эгиду России и присоединиться к континентальной блокаде Англии. Спорными оставались лишь два вопроса: судьба Аландских островов и точное определение будущей российско-шведской (финляндско-шведской) сухопутной границы на севере. Российское предложение состояло в том, чтобы установить границу по р. Каликс-эльв, впадавшей в Ботнический залив. Шведы хотели провести ее гораздо восточнее, по реке Кеми-йоки, также впадавшей в Ботнический залив. После бурных препирательств пришли к компромиссу: остановились на реках Торнион-йоки и Муонио-йоки, протекавших как раз между Каликс-эльв и Кеми-йоки. В вопросе об Аландских островах, которые шведы считали ключом к Швеции, российская дипломатия была непреклонна, и под давлением не только дипломатическим, но и военным (российские войска были уже на территории собственно Швеции) шведские дипломаты были вынуждены отступить. В сентябре шведам, тщетно надевавшимся на поддержку Наполеона, стало ясно, что затягивание переговоров может дорого стоить Швеции, и они пошли на уступки, тем более что с российской стороны недвусмысленно дали понять, что готовы на смягчение условий присоединения к континентальной блокаде. 5 (17) сентября текст договора был подписан¹³.

Посмотрим, каковы же были условия этого важнейшего не только в истории России и Швеции, но и всего североευропейского региона трактата (текст воспроизводится по официальному переводу на русский язык, откуда и некоторая его архаичность¹⁴).

Первая статья договора прямо говорила о восстановлении мира между Россией и Швецией: «Мир, дружба и доброе согласие пребудут отныне между е. в-вом императором всероссийским и е. в-вом королем шведским; высокие договаривающиеся стороны приложат все свое старание о сохранении совершенного согласия между ними, их государствами и подданными, избегая рачительно всего того, что могло бы поколебать впредь соединение, счастливо ныне восстановляемое». Вторая статья предусматривала посредничество российского императора в восстановлении мира Швеции с Францией и Данией: «самым формальным и наисильнейшим образом не упускать из виду ничего, что с его стороны может способствовать скорому заключению мира между ним и е. в-вом императором французским, королем итальянским и е. в-вом королем дат-

© 2009 г. В.В. РОГИНСКИЙ *

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФРИДРИХСГАМСКОГО МИРА 1809 года ДЛЯ РОССИИ

5 (17) сентября 1809 г. в небольшом финляндском городе Фридрихсгам (финское название Хамина) высокопоставленные представители российского императора Александра I и шведского короля Карла XIII подписали договор, который подвел черту под последней в истории войны между Россией и Швецией, получившей в североευропейской исторической традиции название «финской».

В отечественной историографии пока нет обстоятельной работы, которая на современном научном уровне рассмотрела бы предысторию Фридрихсгамского трактата и проанализировала бы его содержание и значение. До революции общие сведения об этом мирном договоре и о предшествовавших его подписанию переговорах давали историки консервативно-охранительно-

* Рогинский Вадим Вадимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

ским и норвежским с помощью переговоров, непосредственно с теми державами уже открывшихся».

Важнейшей статьёй договора стала третья, говорившая о согласии Швеции присоединиться к континентальной блокаде: король шведский «обещает приступить к системе твердой земли (так в буквальном переводе с французского именовалась тогда континентальная блокада. - В.Р.) с ограничениями, кои подробнее постановлены будут в переговорах, имеющих последовать между Швециею, Франциею и Даниею». Шведский король обещал также закрыть порты страны для британских военных и торговых судов, однако тут же была сделана, естественно, с согласия России, весьма существенная оговорка, которая, как это ни парадоксально, во многом сводила на нет всю систему наполеоновской континентальной блокады. Весьма существенное исключение было сделано для «привоза соли и колониальных произведений, соделавшихся от употребления необходимых для жителей шведских». Российская сторона заранее обещала поддержать эти изъятия на переговорах с Францией и Данией: «впредь принять за благо все ограничения, какие союзники его почтут справедливыми и приличными допустить в пользу Швеции относительно торговли и купеческого мореплавания».

Четвертая статья оформляла отказ Швеции от Финляндии: «Е. в-во король шведский как за себя, так и за преемников его престола и Королевства Шведского отказывается неотменно и навсегда в пользу е. в-ва императора всероссийского и преемников его престола и Российской империи от всех своих прав и притязаний на губернии, ниже сего означенные, завоеванные оружием е. и. в-ва в нынешнюю войну от державы шведской, а именно: на губернии Кимменегардскую, Ниландскую и Тавастгускую, Абовскую и Бьернеборгскую с островами Аландскими, Савалякскую и Карельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть Западной Ботнии до реки Торнео, как то постановлено будет в следующей статье о назначении границ». Сразу же бросается в глаза, что в трактате не говорилось о Финляндии, как о чем-то целом, а перечислялись входившие в ее состав губернии. Пятая статья договора устанавливала новую границу между двумя государствами по рекам Торнион-йоки и Муонио-йоки, причем подробно оговаривалась государственная принадлежность островов по течению этих рек. Кроме того, предусматривалось немедленное назначение инженеров «с одной и другой стороны, кои явятся на места для постановления границ вдоль рек Торнео и Муонио по вышеначертанной линии».

Шестая статья подтверждала обещанные российским императором еще в ходе войны гарантии сохранения в Финляндии лютеранства и прежних шведских законов: «Поселику е. в-во император всероссийский самими несомненными попытками милосердия и правосудия ознаменовал уже образ правления своего жителям приобретенных им ныне областей, обеспечив по единственному побуждению великодушного своего соизволения свободное отправление их веры, права собственности и их преимуществ, то его шведское в-во тем самым освобождается от священного, впрочем, долга чинить о том в пользу прежних своих подданных какие-либо условия». Седьмая и восьмая статьи предусматривали прекращение всех военных действий, отвод российских войск со шведской территории. Девятая прописывала порядок обмена пленными.

Ряд статей обстоятельно рассматривали «технические» стороны присоединения Финляндии к России. Весьма важной для жителей Финляндии и ее уроженцев, оказавшихся в Швеции, была десятая статья, которая гарантировала им право свободного возвращения в Финляндию, а также возможность выехать в Швецию для тех, кто хотел бы покинуть Финляндию. Предусматривался порядок продажи их владений в течение трех лет. 11-я статья гарантировала полную амнистию тем подданным шведского короля, кто перешел на сторону России: «Отныне будет вечно забытое прошедшего и всеобщее прощение обоюдным подданным, коих мнения или деяния в пользу той или другой из высоких договаривающихся сторон во время сей войны ввели их в подозрение или подвергнули суду». 12-я статья предусматривала передачу российской стороне различных документов, касавшихся Финляндии: «акты на владения, архивы и другие документы, общественные и частные, планы и карты крепостям, городам и землям, доставшимся по сему трактату е. в-ву императору всероссийскому, со включением карт и бумаг, какие могут сыскаться в Межевой канцелярии». 13-я и 14-я статьи устанавливали порядок урегулирования различных спорных вопросов, в том числе и финансовых, между жителями собственно Швеции и финляндцами; 15-я предусматривала трехгодичный срок урегулирования возможных вопросов наследования имущества, которые могли возникнуть у подданных обеих стран.

16-я статья предусматривала продление до 1 (13) февраля 1813 г. действия заключенного в 1801 г. российско-шведского торгового договора (его срок заканчивался 17 (29) октября 1811 г.), но только в тех его положениях, которые не противоречили российской декларации от 1 (13) января 1807 г., провозглашавшей присоединение России к континентальной системе. 17-я статья разрешала беспрепятственную торговлю между Швецией и Финляндией на тех же основаниях,

на каких она производилась, когда Финляндия была частью Шведского королевства: «финляндцам дозволяется из Швеции вывозить руды, железо в крицах, известь, камни для строения плачевильных печей и вообще всякие другие произведения земли сего королевства. Во взаимство того шведы могут из Финляндии вывозить скот, рыбу, хлеб, холст и смолу, доски, деревянную всякую посуду, стросвой и дровяной лес и вообще все другие произведения земли сего великого княжества».

18-я статья повторяла положение, содержавшееся во всех предыдущих российско-шведских договорах, начиная с Ништадского (1721 г.) мира, о разрешении шведов закупать в России и беспощадно вывозить 50 тыс. четвертей хлеба. 19-я обговаривала вопрос о взаимной «салиутации» кораблей обеих стран. 20-я предусматривала дружеское урегулирование проблем, которые могли возникнуть: «Если бы произошли затруднения по каким-либо пунктам, о которых не постановлено в сем трактате, то оные будут рассматриваемы и определяемы дружественно обоюдными посланцами или полномочными министрами с таким же миролюбивым расположением, на каком основано заключение сего трактата». Заключительная 21-я статья определила четырехнедельный срок для ратификации договора обеими сторонами и обмена ими в Санкт-Петербурге.

На следующий день сообщение о подписании мирного договора во Фридрихсгаме и его текст пришли в российскую столицу. Александр I написал по этому поводу сестре Екатерине Павловне: «Мир со Швецией, о котором я сообщаю, таков, как я и желал. Этот мир превосходит и полнотою таков, как я хотел. Я не могу не возблагодарить Верховное существо. Полная уступка Финляндии до Торнео с Аландскими островами, присоединение к континентальной системе и закрытие портов для Англии, и, наконец, мир с союзниками России: все заключено без посредников»¹⁵.

Сохранилось описание торжеств в Санкт-Петербурге по поводу заключения мира. 6 (18) сентября мир со Швецией был «возвещен» жителям столицы пушечными выстрелами с Петропавловской крепости. В «Московских ведомостях» подчеркивалось, что «присоединение к Российской империи целого Великого княжества Финляндского и Аландских островов обеспечивает навсегда пределы России с сей стороны от неприятельских покушений»¹⁶. На следующий день, как писала газета, было принесено «благодарственное Всемогущему Богу молебствие» в Исаакиевском соборе. «Для торжества сего собраны были войска, числом 15 089 человек со 104 орудиями, стоявшие в параде на площадях Дворцовой, Исаакиевской и Петровской, и по прилегающим к ним улицам». Командовал войсками великий князь Константин Павлович. В торжественной процессии из Таврического дворца до Исаакиевского собора принимали участие император Александр I, императрицы Елизавета Алексеевна и Мария Федоровна, великие князья. Перед храмом процессия была встречена митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Амвросием (Подобедовым). Во время молебствия, «при возгласении *Тебе Богу хвалим*, началась пальба с крепости и изво всех бывших при параде орудий, а войсками пущен был ружейный огонь». После молебствия Александр I, остановившись перед памятником Петру I, «салиутовал ему со всеми войсками своими, и тем воскрешал память великих дел Полтавского Победителя». В церквях весь день продолжался колокольный звон; а вечером весь город был иллюминирован»¹⁷.

Оценку Александром I заключенного трактата можно найти в ряде документов. Так, например, в рескрипте главнокомандующему в Москве генерал-фельдмаршалу И.В. Гудовичу император писал: «Таким образом, положен конец войне, коей разные происшествия приобрели Российскому воинству незабвенную славу; а окончание ее, присоединив к Империи страну, население народа трудолюбивого, успехами земледелия, торговыми пристанями, важными укреплениями и твердынями Свеаборга знаменитую, распространило и вместе с тем на вечные времена обеспечило пределы Отечества нашего»¹⁸.

Более развернутая оценка Фридрихсгамского мира и его значения для России была дана Александром I в обращении к стране манифесте, который был подписан 1 (13) октября. Автором текста манифеста, скорее всего, был Н.П. Румянцев, который контрастировал документ¹⁹. Манифест начинался со своеобразного краткого экскурса в историю взаимоотношений России со Швецией: «В течение семи столетий непрерывные почти войны потрясли спокойствие народов, представляющих природою хранить доброе и мирное соседство. От самых отдаленнейших времен до дней наших, от славных побед благочестивого предка нашего святого и великого князя Александра Невского до настоящего мира редко проходило двадцать с ряду лет, и никогда почти не протекало полвека, чтоб война между ими не возникла. Колькратно мир, кровью народов запечатленный, вскоре после того был по стечению обстоятельств снова расторгаяем! Колькратно Финляндия, всегдашний предмет и позорище сей войны, страдала, истребляема огнем и мечом!» Далее Александр напоминал о событиях XVIII в., об итогах войн со Швецией 1700–1721 гг.

и 1741–1743 гг.: «Успехами оружия славных наших предков, превозможением их и твердостью духа троекратно присоединяемы были к России разные части пограничных шведских владений. Часто постанавлиемы и многократно подтверждаемы были мирные трактаты. Взаимные и ощутительные пользы делали для обоих народов мир драгоценным». «Но причины войны были неиссякаемы. Споры о границах беспрестанно возрождались, и среди мира Россия не обретала в них твердой ограды своему спокойствию. При сей нетвердости пределов, противоположность в видах политических всегда новую и непрерывную представляла войне пищу». Итогом, по мнению Александра, было то, что «Провидению угодно наконец было сию долготлетнюю и всегда возрождающуюся прию соседственных народов решить окончательно в дни наши».

Затем шло конкретное объяснение причин последней войны и позиции России: «Настоящий разрыв возник от причин, кои в существе своем были одинаковы со всеми предыдущими. Преклонность Швеции к державе нам неприязненной (имелась в виду Великобритания - В.Р.), и близкий пример пылающего Колонгагена, были явным предзнаменованием враждебных мер на нас совершаемых. Оружием надлежало положить преграду сим совещаниям. Но восприяв оружие, мы тогда же готовы были остановить его действие. Первое движение наше было обратить занятия Финляндии российскими войсками в простую меру осторожности. Но советы наши и самые сильные убеждения остались безуспешны. Война соделалась неизбежною и последствия ее показали, что правое наше дело было под сильною вышнего промысла защитою». Ход войны описывался в столь же возвышенных тонах: «По следам древних побед, в странах, где Петр Великий приучал россов к воинской славе, храброе наше воинство мужественно подвизаясь, преоборая все препятствия, по глыбам льда проникая в места непроходимые, от пределов к столице нашей близких, простерло славу российского оружия до самых отдаленных стран Севера: покорило Финляндию, завладело всеми ее провинциями, одержало знаменитые острова Аландские, и объяв Ботнический залив, преядя западную Ботнику, на отдаленных пределах ее утвердило свое обладание. На сем великом пространстве все города, порты, укрепления, самые твердыни Свеаборга пали во власть его. Путь к победам, не зыря на все сопротивление, еще был отверзт; но как скоро надежда к прочному миру представлялась возможною, мы, с удовольствием оставив все выгоды воинского нашего положения, обратились к миру».

Объяснение основ заключенного мира и его выгод было геополитическим, причем эта мысль повторялась в манифесте неоднократно: «В основания его мы поставили оградить империю нашу *естественными и твердыми пределами* (здесь и далее в цитатах курсив мой. - В.Р.), отдалить и пресечь раз навсегда причину и предлог браней, и вместе с тем утвердить единообразие политической системы, положению обоих народов свойственной и святости наших союзов приличной». Последствия заключенного мира, «утвердив доброе соседство на незыблемых началах, должны истребить и навсегда уничтожить все причины к опасениям и раздору». «Сию твердою надеждою, постановлением империи нашей *непреложных и безопасных границ*, изморяем мы наипаче выгоды сего мира. Новые владения наши, с одной стороны огражденные Свеаборгом и другими крепостями, обеспеченные весьма важным для морской силы положением Аландских островов, с другой окруженные Ботническим заливом и отделенные от соседней большими реками Торнео и Муонии, всегда будут составлять *твердую и незыблемую ограду* Империи Нашей».

Был также сделан реверанс в адрес присоединенных финнов и Финляндии: «При таковых существенных выгодах сего мира не может быть для сердца нашего равнодушно присоединение к числу верных наших подданных народа финского. Бедствиями войны доселе почти непрерывно обуреваемый, отныне станет он на чреде народов, под сенью престола нашего покоящихся в тишине и безопасности. Шесть губерний со всеми принадлежащими к ним городами и селениями приобретает сим новое бытие и благословляют уже промысел Вышнего, судьбу их тако устрояющей». Александр I, кстати, довольно прозорливо предвидел экономический подъем Финляндии в ее новом положении, в составе Российской империи: «Обладая всеми портами и пристанями в Финском заливе, на Аландских островах и во всей восточной части Ботнического залива до самого Торнео, в стране плодородной, изобилующей лесами и разными произведениями земли, населенной народом трудолюбивым и к мореходной промышленности издревле приобыкшим, торговля наша воспримет новое расширение, купеческое мореплавание получит новую деятельность, с тем вместе и воинское наше морское ополчение приобретает новые силы».

Любопытна реакция Франции на заключенный договор. Проникательный французский посол в Санкт-Петербурге Арман де Коленкур заявил министру иностранных дел, что статьи трактата решены не в духе Тильзитского договора, так как в них не выполнены задачи, налагающиеся на Россию в отношении Швеции. Швеция полностью не присоединилась к континентальной блокаде и даже не обязалась объявить войну Англии²⁰. На это же самое, но уже как на пример про-

зорливости, намекнул Румянцев такой видный специалист по международным отношениям, как бывший министр иностранных дел Франции Шарль-Морис Талейран, который после встречи в Эрфурте стал оказывать российскому правительству некоторые, иногда весьма щекотливые услуги, я которому Румянцев отправил текст договора «на экспертизу». Талейран весьма вележливо поздравлял российского министра с этим договором: «Это прекрасный труд великого государственного деятеля. Вы обеспечиваете Вашему государю и Вашей стране большую провинцию, очень интересную для Вашей столицы. Вы утешаете тех, кто вам ее уступает, за жертвою, которую они делают весьма реальной выгодой, подходящей для того, чтобы польстить жителям городов, части менее многочисленной и менее рекомендуемой из наций, но единственной, которая говорит, которая слушает и которая делает то, что можно назвать общественным мнением. Выгода, которую Вы представляете Швеции, продлится столь долго, как другие государства не признают свои торговые интересы, или, будучи обязаны действовать, будучи вынуждены действовать, как будто они не признают их. Вы также делаете маленькую милость англичанам, она показывает, что ваша верность континентальной системе не исключает своего рода примирительного благоволения: этим вы приоткрываете у других держав дверь к более либеральным идеям, и вы укажете, что ваш кабинет с удовольствием увидит, что к ним возвращаются. Все это принадлежит высокой и в значительной степени умелой политике, и Вы составили его на нашем языке как самый точный публицист и как самый элегантный и самый точный член Французской академии. Мне самолюбие могло быть от этого ревнивым. Но моя дружба к Вам, которая гораздо сильнее, живо этим затронута. Она отвечает той дружбе, которую Вы сохраняете ко мне, и доверию, которое Вы мне сообразовали засвидетельствовать»²¹.

Информацию о заключении Фридрихсгамского мира Румянцев уже в день его подписания отправил на другой конец Европы, где шла война России с Османской империей, в ставку главнокомандующего Молдавской (Дунайской) армией, генерала от инфантерии П.И. Багратиона, в лагерь под Силистрией. Получив донесение министра иностранных дел, Багратион поспешил поблагодарить «за столь поспешное сообщение известия о благополучно совершившемся между Россиею и Швециею славном и полезном для отечества нашего мире». Полученное сообщение Багратион не преминул использовать в пропагандистских целях. Он писал Румянцеву: «Обнародовав известие сие в княжествах Молдавии и Валахии, я в то же время принял через посредство генерал-лейтенанта Дюка де Ришелье, тайного советника и сенатора Кушника и коллежского советника Кирико все возможные меры, дабы помянутое известие, не яко от нас, но от лиц беспристрастных, или даже приемлющих участие в интересах Порты, происходящее, распространяемо было во внутренности Турецкой империи и дабы по мере возможности приличным образом внушаемо было туркам, что заключение мира со Швециею придает Империи неисчислимыя новые силы и представляет распоряжению Его имп. в-ва многочисленную армию отборнейшего войска, которая весьма легко может быть обращена против Порты Оттоманской, если сия последняя не последует примеру древней ее союзницы Швеции и не поспешит просить о мире»²².

Фридрихсгамский мирный договор, сколь важным не было его заключение, не стал окончательным решением всего сложного комплекса проблем, связанных с новым геополитическим положением дел в регионе – переходом Финляндии в состав Российской империи. Отмечу несколько важных актов, которые как бы достраивали для России новую геополитическую структуру европейского Севера на ближайшее столетие. Первый акт – российско-шведская конвенция об окончательном разграничении и делимитации между Швецией и Россией (Финляндией), подписанная в Торнео 8 (20) ноября 1810 г. после тщательной геодезической работы на местности²³. Это был чисто технический акт, реализация положений Фридрихсгамского договора. Этот договор и заключенная в его развитие конвенция установили ту границу, которая и сегодня проходит между Швецией и Финляндией.

Вторым важным актом, с которым выступил Санкт-Петербург, стало присоединение к Великому княжеству Финляндскому так называемой «старой Финляндии», т.е. тех территорий, которые отошли к России по Ништадскому мирному договору 1721 г. и Абоскому мирному договору 1743 г.²⁴ 11 (23) декабря 1811 г. Александр I издал указ «О присоединении к Финляндии Выборгской губернии» и выпустил манифест «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндией»²⁵. Первый пункт указа гласил: «По местному положению старой Финляндии, находя полезным присоединить оную к Великому княжеству Финляндии, признали Мы за благо постановить следующее: Финляндская губерния присоединяется к Великому княжеству Финляндии, и в общем ее составе будет именоваться губерниею Выборгскою». Остальные девять пунктов указа детализировали порядок распространения на присоединяемую территорию норм, действовавших в Великом княжестве. Манифест же фактически повторял главные положения указа: «С присоединением новой Финляндии к Российской империи, различие между старой и но-

вою Финляндию, как в наименовании их, так и в самом образе управления, находя излишним и настоящему положению сего края несвойственным, вняв мнению Государственного Совета, признали Мы за благо постановить следующее: 1. Старую и новую Финляндию отныне совокупно именовать Финляндиею. 2. Пренная Финляндская губерния наравне с губерниями, в Финляндии существующими, отныне будет состоять в главном управлении, для сей страны Нами учрежденном»²⁶. Лишь учреждения Православной церкви на территории Великого княжества Финляндского остались под управлением общеимперских ведомств, Святейшего Синода и епархиального управления²⁷.

Третьим важнейшим актом, закрепившим добрососедскую направленность отношений России и Швеции после Фридрихсгамского мирного договора, стал российский-шведский союзный договор, подписанный 5 апреля 1812 г. в Санкт-Петербурге²⁸, и дополнившие его условия две конвенции: 3 (15) июня 1812 г., подписанная в Вильно²⁹, и 18 (30) августа, заключенная в Або (Турку), во время встречи императора Александра I со шведским наследным принцем Карлом Юханом (Бернадотом)³⁰. Главным условием было согласие России на присоединение Норвегии к Швеции. Швеция подтверждала окончательный отказ от Финляндии. Эти соглашения стабилизировали отношения со Швецией и положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи³¹.

И, наконец, четвертый акт – торговый договор между Российской империей и Соединенными королевствами Швецией и Норвегией, заключенный в Санкт-Петербурге 29 августа (10 сентября) 1817 г., который не случайно именовался «Дополнительный акт к Фридрихсгамскому мирному договору между Россией и Швецией». Дело в том, что торговые отношения между двумя государствами регулировались специальным трактатом, подписанным под самым занавес царствования императора Павла I (13) марта 1801 г.³² Фридрихсгамский договор своей 16-й статьей продлил срок действия этого торгового договора до 1 (13) февраля 1813 г. После 1813 г. этот срок неоднократно продлевался особыми соглашениями. Однако изменение политической карты Северной Европы – переход Финляндии к Российской империи и возникновение в 1814–1815 гг. шведско-норвежской унии – делали настоятельную существенную переработку условий торговли между двумя государствами, переговоры о чем начались уже в 1815 г.³³

Таким образом, именно русско-шведская («финская») война 1808–1809 гг. и завершивший ее Фридрихсгамский мир 5 (17) сентября 1809 г. положили начало грандиозной перестройке всей политической системы Северной Европы, что имело огромное значение для внешней политики России не только на северо-западном направлении, но и в Европе в целом. В регионе возникли новые национальные государства: Великое княжество Финляндское во главе с великим князем – российским императором, и королевство Норвегия, в основном самодостаточное государство, почти со всеми атрибутами суверенитета, но в личной унии со Швецией и общей с ней внешней политикой. Новое государственное образование получило название «Соединенные королевства Швеция и Норвегия».

В этом и состояла та перекройка всей политической системы североευропейского региона, первым и важнейшим этапом которой были война 1808–1809 гг. и Фридрихсгамский мир. Крайне важным результатом этих преобразований было то, что этот небольшой период подвел черту под многовековыми проблемами и конфликтами в регионе: в историю ушли войны между Россией и Швецией, которые регулярно вспыхивали, начиная с середины XVI столетия. Новая международная архитектура североευропейского региона, краеугольными камнями которой были переход Финляндии под власть России как автономного Великого княжества, возникновение шведско-норвежской унии, прекращение шведского присутствия в Северной Германии (еще с Тридцатилетней войны и Вестфальских мирных договоров 1648 г.), результатом чего было становление шведской системы нейтралитета, полностью отвечала стратегическим внешнеполитическим интересам России на североευропейском направлении. По сути, грандиозные преобразования отражали сложный путь модернизации региона, представляли собой первый шаг к формированию современной системы международных отношений.

Примечания

¹ Ордин К.Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. I–II. СПб., 1889; его же. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Т. 1–3. СПб., 1908–1909.

² Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909; его же. Краткая история Финляндии. СПб., 1911.

³ Захаров Г. Русско-шведская война 1808–1809 гг. М., 1940.

⁴ Кияллина К.С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963.

⁵ Смулин Л.С. Фридрихсгамский договор 1809 г. и деятельность русской дипломатии // Проблемы отечественной истории. Ч. II. М., Л., 1976. С. 23–42.

⁶ Киялляйнен И.И. Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 г. Петрозаводск, 1965.

⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел (далее – ВПР). Сер. I. 1801–1815 гг. Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. Т. I–VIII. М., 1960–1972. Т. IV. М., 1965. Т. V. М., 1967.

⁸ Hamström E. Freden i Fredrikshamn. Uppsala, 1902.

⁹ Grade A. Sverige och Tilsit-alliansen (1807–1810). Lund, 1913.

¹⁰ Sveriges krig åren 1808 och 1809. Utg. af Generalstabens krigshistoriska afdelning. Del. I–IX. Stockholm, 1890–1922.

¹¹ Platen C.H. von. Stedingk: Curt von Stedingk (1746–1837): kosmopolit, krigare och diplomat hos Ludvig XVI, Gustav III och Katarina den stora. Stockholm, 1995. Перевод на русский яз.: фон Платен Карл Хенрих. Стединк: Курт фон Стединк (1746–1837): космополит, воин и дипломат при Людовике XVI, Густаве III и Екатерине Великой. СПб., 1999.

¹² Tommila P. La Finlande dans la politique européenne en 1809–1815. Helsinki, Lahti, 1962.

¹³ Подлинник договора был составлен по-французски в двух экземплярах, которые хранятся, соответственно, в России в АВПР И (Ф. Трактаты) и в Швеции в Государственном архиве (Rikskäivet, Traktater). Тогда же он был опубликован в обеих странах, в России с официальным переводом на русский язык, в Швеции – с официальным переводом на шведский. Затем текст договора неоднократно воспроизводился на языке оригинала в различных публикациях международных трактатов (напр.: Martens G. Nouveau recueil de traité. Gottingue, 1817. P. 19–29). Русский перевод публиковался в ПСЗ-I (Т. 30. № 23883; С. 1188–1193.) и в приложениях к вышеупомянутой книге Ордина (см.: Ордин К.Ф. Собр. соч. Т. I. СПб., 1908. С. 293–301). Договор также был воспроизведен в издании: ВПР. Сер. I. Т. V. Док. 106. В 1985 г. текст Фридрихсгамского договора открыл совместную советско-шведскую публикацию документов об отношениях между Россией и Швецией в 1809–1818 гг. В Москве он был опубликован на русском языке, в Швеции – на французском. (Россия и Швеция 1809–1818 гг. Документы и материалы. М., 1985. Док. 1; La Suède et la Russie. Documents et matériaux 1809–1818. Rédacteurs : Seved Johnson, V.V. Dubin, V.V. Roginskij. Upsal; Stockholm, 1985).

¹⁴ ПСЗ-I. Т. 30. № 23883. С. 1188–1193.

¹⁵ Александр I – великой княгине Екатерине Павловне. 6 (18) сентября 1809 г. // Николай Михайлович, вел. кн. Переписка императора Александра I с сестрой великой княжной Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 25.

¹⁶ Московские ведомости. 22 сентября 1809 г. № 76. С. 1643–1644.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Московские ведомости. 15 сентября 1809 г. № 74. С. 1610.

¹⁹ АВПР И, ф. Санкт-Петербургский Главный архив (далее – СПб. ГА), I-10, оп. 28, 1809 г., д. 482, л. 1–2 об.; ПСЗ-I. Т. 30. № 23883. С. 1186–1188; Ордин К.Ф. Собр. соч. Т. I. С. 290–293.

²⁰ Коленкур – Шампань. Санкт-Петербург, 25 сентября 1809 г. // Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812. Т. IV. СПб., 1906. С. 93–101.

²¹ АВПР И, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 3743, л. 4–5.

²² Багратион – Румянцеву, № 1039. Лагерь под Силистрией, 1 (13) октября 1809 г. // АВПР И, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 1931, л. 85–87.

²³ АВПР И, ф. СПб. ГА. I-10, оп. 28, 1810 г., д. 480, л. 1–6 об.; Исторический, статистический и географический журнал. 1811. Июнь. С. 221–235; Сборник пограничных договоров. СПб., 1891. С. 10–17; ПСЗ-I. Т. 31. № 24413. С. 429–433.

²⁴ О присоединении «Старой Финляндии» к Великому княжеству Финляндскому в конце 1811 г. см. подробнее: Paaskoski J. G.M. Armfelt och Gamla Finland. // Historisk Tidskrift för Finland. 82. 1997. № 3. С. 302–317.

²⁵ ПСЗ-I. Т. 31. № 24907; Манифест 5 июня 1808 г. о присоединении Великого княжества Финляндского к России. Манифест 11 декабря 1811 г. о присоединении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндии. Постановление 31 декабря 1811 г. относительно преобразования Выборгской губернии. СПб., 1900; Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 137–138.

²⁶ ПСЗ-I. Т. 31. № 24907. С. 923; Манифест 5 июня 1808 г. о присоединении Великого Княжества Финляндского к России...; Шиловский П. Указ. соч. С. 129–130.

²⁷ Шиловский П. Указ. соч. С. 130.

²⁸ Русско-шведский союзный договор. Санкт-Петербург, 24 марта (5 апреля) 1812 г. // АВПР И, ф. Трактаты, д. 1587/671, л. 539–558; SRA Traktater. British and Foreign State Papers. V. I. (1812–1814). P. I. L., 1841. P. 306–313; ВПР. Сер. I. Т. VI. Док. 130.

²⁹ Дополнительная конвенция к русско-шведскому союзному договору от 24 марта (5 апреля) 1812 г. Вильно, 3 (15) июня 1812 г. // ВПР. Сер. I. Т. VI. Док. 171.

³⁰ Вторая дополнительная конвенция (секретная) к русско-шведскому союзному договору от 24 марта (5 апреля) 1812 г. Або, 18 (30) августа 1812 г. // АВПР И, ф. Трактаты, д. 1593/671, л. 2–9; ВПР. Т. VI. Док. 230.

³¹ Подробнее об отношениях России со Швецией в 1812 г. см.: Россия и Швеция 1809–1818. Документы и материалы...; Роинский В.В. Союз Швеции и России: 1812 год. М., 1978. Tommila P. Op. cit.

³² ПСЗ-I. Т. 26. № 19767. С. 549–565; Martens G. Recueil des principaux traités. T. VII. Gottingue, 1831. P. 315–335; Martens G. Supplement. T. II. Gottingue, 1802. P. 307–327.

³³ АВПР И, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 12959. 1816–1817. № 1–37. 5 папок; ВПР. Сер. II. Т. I (IX)–II (X).